

ВЪ ПОРОХОВОМЪ ДЫМУ

Н. Н. КАРАЗИНЪ

ВЪ ПОРОХОВОМЪ ДЫМУ

Романъ въ 3-хъ частяхъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина и В. И. Лихачева. Эртелевъ пер., д. № 11—2

1878

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Пароходъ „Діана“.

— Мостки долой!

— Есть!..

— Свистокъ!.. Генрихъ Буцъ, разгони багромъ эту сволочъ. Бей по рукамъ! Эй вы, оборвыши, отъ трапа прочь! Дорогу! Негодай Кабрио опять пьянъ! Боцманъ, спрячьте эту каналью въ угольную яму. Pardon, madame!

Капитанъ Мюленгофъ, вѣжливо раскланиваясь, съ прикладываніемъ указательнаго пальца къ козырьку фуражки, обратился къ какой-то дамѣ, растерявшейся между своими безчисленными саквояжами и картонами, и тяжелою, чистоморскою походкою сталъ взбираться по рѣзнымъ желѣзнымъ ступенькамъ лѣстницы, ведущей на верхнюю площадку парохода, гдѣ было его, господствующее надъ всѣмъ остальнымъ, капитанское мѣсто.

Пронзительный свистокъ пронесся въ воздухъ, покрывъ на минуту глухой гулъ и смѣшанный говоръ разноплеменной, пестрой толпы отъѣзжающихъ и провожающихъ; сильная струя бѣлаго пара взвилась высоко, спугнувъ десятокъ голубей, усѣвшихся было спокойно на реѣ фокъ-матты. Безконечная палуба вздрогнула и колыхнулась подъ тысячами пассажир-

скихъ ногъ, колыхнулась тяжелая пристань на баркахъ, колыхнулись близъ стоящія суда—и пароходъ „Діана“, медленно отдѣлившись отъ борта пристани, началъ свой трудный поворотъ, чтобы стать носомъ къ проходу, выводящему изъ этого лабиринта судовъ подъ всевозможными флагами, изъ этого лѣса рангоута и такелажа, въ свободныя для движенія воды Мраморнаго моря.

Пароходъ „Діана“ — это одинъ изъ самыхъ большихъ австрійскихъ пароходовъ, тріэстской компаніи, совершающихъ рейсы между Тріэстомъ, Константинополемъ и Смирною. Въ безчисленныхъ каютахъ и на трехъярусныхъ палубахъ этого судна помѣщается до двухъ тысячъ пассажировъ. Колоссальная машина, если не ошибаюсь, въ четыреста восемьдесятъ лошадиныхъ силъ, приводитъ въ движеніе могучій винтъ за кормою; гигантскія трубы, кованныя изъ котельнаго двухлинейнаго желѣза, поддерживаемыя прочными цѣпами, протянутыми отъ верхнихъ обручей трубъ къ бортамъ судна крестообразно, изрыгаютъ цѣлыя облака чернаго дыма. „Діана“ на своихъ желѣзныхъ мачтахъ носитъ и паруса, помогающіе ей въ эволюціяхъ въ открытомъ морѣ. Ея служебный персоналъ состоитъ болѣе чѣмъ изъ полутора ста человѣкъ, считая, впрочемъ, и кочегаровъ, и машинистовъ, и поваровъ, и даже ресторанную прислугу въ салонахъ перваго и втораго классовъ. Судно это—мирное, занимается исключительно перевозкою пассажировъ съ ихъ кладью, а потому на немъ нѣтъ ничего сколько-нибудь напоминающаго артиллерію, кромѣ развѣ небольшой короны на массивномъ лафетѣ, установленной на носовой части, въ помѣщеніи матросовъ; это грозное орудіе предназначено только для сигналовъ и салютовъ при болѣе или менѣе знаменательныхъ встрѣчахъ.

Капитанъ парохода — нѣмецъ, его помощникъ — тоже нѣмецъ, старшій машинистъ, завѣдующій конторою, кассиръ, мэтр-дотель и все сколько-нибудь чиновное—нѣмцы, матросы же на половину итальянцы, на половину далматы и албанцы, есть даже два голандца и одинъ англичанинъ. Пестрота на-

циональностей экипажа совершенно соответствует пестротѣ временнаго населенія судна,—населенія, котораго съ избыткомъ хватило-бы на какой-нибудь маленькій городокъ, вродѣ тѣхъ, что пестрѣютъ справа и слѣва на этихъ роскошныхъ склонахъ горъ, покрытыхъ густою зеленью садовъ и виноградниковъ.

Внутреннее помѣщеніе судна состоитъ изъ трехъ ярусовъ: два верхнихъ предназначены для пассажировъ и экипажа, нижній для склада товаровъ, багажа и разныхъ хозяйственныхъ запасовъ. Вся средняя часть занята колоссальной машиною съ топками. Громадный люкъ надъ машиною, въ двадцать два метра длиною и восемнадцать шириною, прорѣзываетъ всѣ три палубы, и сообщеніе съ носовою частью парохода на кормовую производится посредствомъ изящныхъ, легкихъ, какъ кружево, желѣзныхъ, ажурныхъ мостковъ съ высокими предохранительными перилами. Пассажиры любятъ обыкновенно останавливаться на такихъ мосткахъ и съ нѣкоторымъ страхомъ, а ужъ непременно съ самымъ неудержимымъ любопытствомъ, наблюдать за всѣмъ, что дѣлается тамъ внизу, гдѣ, какъ въ нѣдрахъ ада, господствуетъ красно-огненное освѣщеніе, гдѣ молчаливо двигаются какія-то черныя фигуры, откуда слышенъ звонъ и брызгъ желѣза, отрывистыя приказанія и еще болѣе отрывистые отвѣты, шорохъ ссыпаемаго угля и тяжелые, удушливые вздохи паровика-гиганта.

Ровно, плавно, отчетливо, мягко движется могучій механизмъ, не суетясь работаютъ тамъ внизу эти черные, съ виду похожіе на негровъ люди, изрѣдка взглядывая наверхъ, на эти вереницы любопытствующихъ лицъ на мосткахъ, и молчаливымъ, весьма выразительнымъ жестомъ приглашаютъ публику смотрѣть не даромъ, а заплатить за это брошенной внизъ папироскою или окуркомъ дорогой сигары, въ чемъ, конечно, пассажиры отказываютъ весьма рѣдко.

Помѣщенія въ кормовой части судна расположены такимъ образомъ: по верхней палубѣ тянется до самой кормы громадная рубка съ окружающимъ ее открытымъ корридормъ,

защищеннымъ отъ дожда и солнца полотнянымъ навѣсомъ; двѣ двери, отъ праваго и лѣваго бортовъ, ведутъ внутрь этой рубки; входя въ эти двери, пассажиръ попадаетъ въ изящно меблированный салонъ для чтенія и куренія; здѣсь же помѣщается конторка кассира и массивные буфетные шкафы, прочно привинченные къ палубѣ; отсюда широкая рѣзная дверь со стеклами ведетъ въ роскошный салонъ, освѣщенный множествомъ небольшихъ четырехугольныхъ оконъ, расположенныхъ съ небольшими одно отъ другого промежутками; простѣнки между оконъ украшены пейзажами и зеркалами; вдоль стѣнъ тянутся мягкіе, комфортабельные диваны, крытые пунцовымъ бархатомъ, передъ диванами длинные обѣденные столы, уставленные вазами съ цвѣтами, экзотическими растеніями и золочеными канделябрами. Все это прочно прикрѣплено къ своимъ мѣстамъ, такъ какъ иначе все это полетѣло бы въ разныя стороны при морской качкѣ. Мягкіе узорные ковры, съ протянутыми по нимъ бѣлыми узенькими половиками, заглушаютъ топотъ ногъ пассажировъ; два большихъ вентилятора, выходя наверхъ ворочающимися, загнутыми раструбами, непрерывно работаютъ надъ перемѣною испорченнаго воздуха, а потому въ этомъ комфортабельномъ салонѣ, несмотря на многочисленность публики, дышется легко и пріятно. На двухъ противоположныхъ концахъ салона расположено два люка съ лѣстницами, ведущими въ дамское и мужское помѣщенія, а также и отдѣльныя каюты. Спустившись по этимъ лѣстницамъ, вы попадете въ общія спальни, гдѣ койки расположены въ три яруса въ отдѣльныхъ купе, закрытыхъ со стороны прохода тяжелыми драпировками.

Надъ рубкою, т. е. на крышѣ верхняго помѣщенія, устроенъ еще сплошной навѣсъ, въ тѣни котораго разставлена болѣе легкая, деревянная и складная желѣзная мебель; этотъ навѣсъ предназначенъ для прогулокъ въ хорошую погоду. Онъ имѣетъ сообщеніе съ такимъ же навѣсомъ, устроеннымъ надъ верхнею рубкою въ носовой части, въ помѣщеніи пассажировъ второго класса. Расположеніе этого класса въ томъ

же родѣ, какъ и перваго, такъ же комфортабельно, но гораздо проще, уже безъ всякихъ претензій на роскошь и изящество. Эта рубка гораздо короче, такъ какъ она значительно не доходитъ до носа судна, гдѣ на палубѣ отведено помѣщеніе для пассажировъ третьяго класса, о comfortѣ которыхъ никакихъ заботъ не полагается.

Нижнія части судна и, наконецъ, такъ называемый трюмъ вмѣщаетъ въ себѣ, какъ я уже сказалъ, склады багажа, товаровъ и хозяйственныхъ запасовъ; тамъ же находится и помѣщеніе для угля, „угольная яма“ на морскомъ жаргонѣ, куда, по приказанію капитана Мюленгофа, два плечистыхъ матроса-албанца потащили пьяницу Кабрио, поощряя его внушительными пинками сзади.

Въ данную минуту „Діана“ отходила отъ константинопольской пристани и шла на Триестъ; это былъ ея второй рейсъ сезона 1876 года.

II.

Пассажиръ въ очень большой, тяжелой буркѣ и съ очень маленькимъ, легкимъ багажемъ.

— Этотъ мохнатый медвѣдь не далъ ничего заработать бѣдному носильщику.

— Да его багажъ по силамъ десятилѣтней дѣвочки. Въ одну руку взять нечего.

— Не говори! Не знаю, что у него въ этомъ длинномъ сверткѣ, но, кажется, что-то тяжелое.

— Знаешь, что!

— Смотри, смотри, онъ въ своихъ сапожищахъ прямо въ первый классъ полѣзъ. Достанется тамъ коврамъ и бархатной мебели!

— Что-жъ, ничего — сапоги чистые! Ну, берись, Михель за мостки; разъ, два!

„Мохнатый медвѣдь“, о которомъ болтали убиравшіе мостки

матросы, взошелъ послѣднимъ на палубу „Діаны“ и, махнувъ на прощанье фуражкой кому-то изъ толпившейся на набережной и пристани публики, осторожно пробрался между наваленными въ беспорядкѣ, еще неубранными сундуками, саквояжами и чемоданами и юрнулъ въ дверь фойе перваго класса, предъявивъ при входѣ клочекъ зеленой бумажки.

Въ рукахъ у этого пассажира былъ только маленькій кожаный мѣшокъ и что-то продолговатое, обернутое темно-зеленою фланелью и обвязанное ремнями, — багажъ, который дѣйствительно не стоило передавать на руки носильщиковъ.

Одѣтъ этотъ пассажиръ былъ въ коротенькій черный сюртукъ, плотно застегнутый на всѣ пуговицы, по военной привычкѣ, и высокіе охотничьи сапоги, охваченные ниже колѣнъ ремнями съ пряжками. На его широкія плечи накинута была теплая кавказская бурка, на головѣ—маленькая черная шелковая фуражка.

Войдя въ фойе, „мохнатый медвѣдь“ тотчасъ же спустился въ нижнее помѣщеніе, гдѣ и выбралъ себѣ одну изъ свободныхъ коекъ, поближе къ выходу.

— Guten Morgen! привѣтствовала его чья-то жирная, голая спина, вытаскивавшая изъ своего чемодана чистую рубашку на смѣну.

Пассажиръ въ буркѣ пробормоталъ что-то въ отвѣтъ на это привѣтствіе и тотчасъ же перемѣнилъ выбранное имъ сначала мѣсто.

Здѣсь онъ тщательно уложилъ вдоль стѣнки свой продолговатый свертокъ, прикрылъ его буркою, небрежно бросилъ подъ койку дорожный мѣшокъ и, приведя свой костюмъ въ порядокъ, поднялся снова въ фойе, а оттуда тотчасъ же на верхнюю палубу—наблюдать за отплытіемъ „Діаны“.

Широкая, пестрая, оживленная картина развернулась передъ его глазами.

Весь Константинополь раскинулся живописною панорамой, занимая оба берега Золотого Рога. Яркое мартовское солнце

освѣщало эти сплошныя массы строеній, то европейскаго, то азіятскаго, то какого-то смѣшаннаго, неопредѣленнаго стиля. Стройныя колонны минаретовъ и полукруглыя куполы мечетей, блистая бѣлизною мрамора и золотомъ, отчетливо, словно вырѣзныя декораціи, рисовались на ярко-голубомъ небѣ. Темными, синеватыми трещинами виднѣлись изгибы и повороты узкихъ улицъ. Кое-гдѣ массы строеній красиво прорѣзывали зеленныя группы садовъ и стройныя, поднимающіеся къ небу, словно конкурирующіе съ безчисленными минаретами, султаны тополей и кипарисовъ. Мостъ, ведущій къ Галату, соединяющій оба берера Золотого Рога, тянулся прямою, красивою линіею, отражаясь въ прозрачныхъ водахъ залива со всѣмъ, что двигалось въ немъ и около. Тысячи кайковъ и лодокъ бороздили воду по всѣмъ направленіямъ. Тамъ, по ту сторону моста, гдѣ находилась военная гавань, виднѣлись ряды безмолвныхъ, безлюдныхъ турецкихъ мониторовъ,—тамъ было тихо и неподвижно, за то здѣсь, по эту сторону моста, все кипѣло жизнью, все сливалось въ одно безконечное, пестрое, разнообразное движеніе.

Пароходъ „Діана“ тихимъ ходомъ плавно рѣзалъ воду залива; двѣ широкія, волнистыя борозды далеко тянулись за нимъ, разбиваясь о бока тяжелыхъ судовъ, приводя въ движеніе все плывущее, что попадалось на пути. Весело посвистывая, словно переключаясь между собою, бойко бѣжали легкіе пароходы; тяжело пытая, тянулись буксирныя, волоча за собою вереницу парусныхъ судовъ и барокъ. Лавируя между всѣмъ этимъ, „Діана“ скоро выбралась на свободу и дала „полный ходъ“.

Долго еще стояли пассажиры, не спуская глазъ съ исчезающаго изъ виду, словно погружающагося въ море великаго историческаго города, сотни биноклей были устремлены въ ту сторону. Смотрѣлъ туда-же и „мохнатый медвѣдь“, только простымъ, невооруженнымъ глазомъ, прикрывшись рукою отъ непривычнаго южнаго солнца.

Снизу послышался звонокъ, призывающій къ роскошно

сервированному завтраку, и нѣсколько минутъ спустя верхняя палуба опустѣла. Остался только одинъ „мохнатый медвѣдь“, превратившійся, впрочемъ, послѣ того, какъ онъ снялъ бурку, въ очень стройнаго, даже изящнаго молодого человека.

Онъ, должно быть, ужъ плотно позавтракалъ еще передъ отъѣздомъ, а потому предпочелъ прогуляться по палубѣ и осмотрѣть пароходъ со всѣмъ, что на этотъ разъ помѣщалось на его палубахъ.

Пройдя раза два по платформѣ перваго класса, пассажиръ поднялся на капитанскій мостикъ, граціознымъ кивкомъ головы отвѣтилъ на вѣжливый поклонъ капитана (капитаны пароходовъ всегда очень вѣжливы относительно пассажировъ перваго класса) и спустился на платформу носовой рубки.

Здѣсь было довольно много всякаго пестраго люда: греки изъ Корфу въ своихъ бѣлыхъ юбкахъ и черныхъ жилетахъ; армяне съ откидными рукавами, въ высокихъ барашковыхъ шапкахъ; евреи—все такіе-же, какъ и вездѣ; турки въ полуевропейскомъ, полуазіятскомъ костюмѣ; виднѣлись даже двѣтри чалмы и коническая шапка дервиша-монаха; цивилизованные сюртуки, пальто и пиджаки съ дорожными сумочками черезъ плечо, пасторскій бѣлый нагрудникъ подъ гладко-выбритымъ, голубоватымъ подбородкомъ и двѣ бороды съ просѣдью, въ длинныхъ черныхъ рясахъ и въ фіолетовыхъ шапочкахъ, напоминающихъ камилавки нашего духовенства.

Бѣгло осмотрѣлъ новый пассажиръ всѣ эти разноцвѣтныя группы, и глаза его, очень красивые каріе глаза, раскрылись нѣсколько шире, на молодомъ лицѣ выразилось нѣчто вродѣ удивленія. Онъ пристально смотрѣлъ теперь на трехъ пассажировъ, расположившихся въ тѣни навѣса, около столика съ приборомъ. Эти пассажиры были турецкіе офицеры въ регулярныхъ длинныхъ пальто съ красными воротниками и обшлагами и въ темнокрасныхъ фескахъ, черныя шелковыя кисти которыхъ спускались ниже затылка. Офицеры эти пили „мастику“—смѣсь водки, перекипяченной съ разными прино-

стями и сахаромъ, и тоже весьма внимательно всматривались въ проходящаго мимо нихъ молодого человѣка.

— Я его вчера встрѣтилъ въ рус...—Офицеръ постарше нагнулся и шепнулъ что-то на ухо рядомъ сидящему.

Тотъ, не поворачивая головы, прослѣдилъ глазами по указанному направленію.

— Гмъ! промывчалъ только третій и сталъ свертывать себѣ толстую папиросу, немилосердно мусля языкомъ тонкій листочекъ папиросной бумаги.

— Усмирители... пробормоталъ съ легкой гримасой прирѣзня молодой человѣкъ и наклонился, облокотясь на перила и глядя внизъ, на палубу третьяго класса, сплошь занятую солдатами низама, въ темно-синихъ шинеляхъ съ бѣлыми перевязями амуниціи и въ полинялыхъ фескахъ съ отрепанными, размочалившимися кистями.

Молодой человѣкъ долго разсматривалъ фигуры солдатъ, въ повалку расположившихся на палубѣ, ихъ оружіе, установленное рядами у стѣнокъ боковыхъ каютъ, обратилъ вниманіе даже на огромный барабанъ, украшенный позолотою, и, обратившись къ ближайшему, спросилъ по-турецки:

— Сколько васъ?

Смуглый солдатъ вздрогнулъ отъ этого неожиданнаго вопроса, боязливо взглянулъ наверхъ и молча пережѣнилъ мѣсто: подальше, молъ, отъ этого любопытнаго иностранца.

— Много! отвѣтилъ за него другой, съ унтеръ-офицерскою тесьмой на рукавѣ, и сердито сплюнулъ.

Получивъ такой лаконическій отвѣтъ, пассажиръ отошелъ отъ перилъ и направился по другой сторонѣ, миновавъ группу офицеровъ, которая все еще провожала его глазами, пока его фигура не скрылась за пароходною трубою.

— Да благословить Господь Богъ дорогу вашу и ваши благія намѣренія! дотронулся кто-то до его плеча.

Вздрогнулъ, въ свою очередь, и пассажиръ, даже поблѣднѣлъ немного, и обернулся.

Албанскій попъ, толстый, ражій дѣтина въ засаленномъ

подрясникѣ, пріятно улыбался и, поглаживая длинную, волнистую бороду, стоялъ сзади и повторялъ:

— Да-съ... и ваши благія намѣренія...

— Я по-русски не понимаю, холодно отвѣчалъ по-турецки молодой человѣкъ, оправившись немного отъ невольнаго смущенія.

— Въ первый разъ вижу русскаго, непонимающаго своего родного языка... Въ первый разъ привелъ Господь! съ лукавою усмѣшкою удивился подрясникъ и пошелъ рядомъ.

— Въ Цетиньѣ изволите ѣхать?

— А хоть-бы и туда! сорвалось по-русски-же съ языка допрашиваемаго.

— Вотъ такъ-то лучше! такъ-то лучше! вздохнулъ попъ.

— Да почему-же вы знаете?

— Сердце чувствуетъ... Господь невидимо глаголетъ... Отецъ Иларіонъ уже четвертаго такого же провожаетъ... Пожалуйте-съ!..

Онъ распахнулъ дверцу небольшой каюты, гдѣ на койкѣ, подобравъ ноги, крѣпко спалъ другой подрясникъ, и, почти втащивъ туда молодого человѣка, снова затворилъ дверь.

Пріятная, нѣсколько плутоватая улыбка исчезла съ лица албанскаго попа; онъ серьезно взглянулъ прямо въ глаза гостя и повелительно произнесъ:

— Преклонись! Да будетъ надъ тобою, сынъ мой, божье благословеніе... Да сохранить тебя Богъ въ бѣдахъ и напастьхъ, отъ меча вражескаго, отъ душевной и тѣлесной немочи... Во славу божію, во славу честнаго креста... Аминь.

Старикъ сдѣлалъ рукою крестное знаменіе надъ головою своего гостя и поцѣловалъ его въ лобъ.

— Иди съ миромъ! кончилъ онъ и отворилъ дверь.

Съ чувствомъ какой-то непріятной боязливости вышелъ тотъ изъ душной каюты и полною грудью потянулъ свѣжій морской воздухъ.

„Однако, чортъ побери, думалъ онъ, — мое инкогнито, кажется, открыто... Хорошо еще, если этотъ проныра — честный человѣкъ, ну, а какъ...“

Онъ вспомнилъ, что между черными подрысниками, вѣчно бродящими по городамъ Турціи, появляющимися всюду, гдѣ ихъ вовсе и не ожидаешь встрѣтить, попадалось не мало турецкихъ шпионовъ, особенно за послѣднее время. Что, если этотъ толстякъ изъ такихъ-же? Тогда, пожалуй, Господь и не благословить его путешествія, чего добраго!

Онъ такъ тщательно сохранялъ свое инкогнито и цѣль своей миссіи, а тутъ — на-поди, всѣ знаютъ! Мало-ли какія могутъ выйти непріятности. Такъ и есть! Подрысникъ разговариваетъ съ турецкими офицерами. Вотъ онъ подсѣлъ къ нимъ. На него показываютъ. Рѣчь идетъ, очевидно, о немъ. Вотъ и этотъ матросъ — ну какое ему дѣло? — прошелъ и оглядѣлъ съ ногъ до головы.

— А вѣтерокъ свѣжѣетъ! произнесъ, обращаясь къ нему, капитанъ. — Будетъ шеваликъ... для многихъ пассажировъ это большая непріятность...

— Да, непріятность, пробормоталъ въ отвѣтъ молодой человекъ: знаемъ, молъ, на какихъ пассажировъ ты это намекаешь.

Онъ почти перебѣжалъ мостикъ, спустился въ фойе, оттуда внизъ, прямо къ своей койкѣ, и, осмотрѣвшись кругомъ, первымъ долгомъ еще тщательнѣе припряталъ свой продолговатый свертокъ въ зеленой фланели.

Тутъ только онъ, хладнокровно обсудивъ дѣло и сообразивъ всѣ обстоятельства, мало-по-малу успокоился. Первое, что пришло ему на умъ, это то, что „Діана“ идетъ подъ австрійскимъ флагомъ; турки, какъ и онъ, только временные гости — на сутки, не болѣе; они не хозяева здѣсь и ничего не могутъ ему сдѣлать, если-бы... Наконецъ, и бумаги въ порядѣ, паспортъ и все остальное. Тамъ значится: швейцарскій подданный Лео... и проч., и проч.

„Швейцарскій подданный“ даже улыбнулся, вспомня свой прыжокъ изъ каюты черныхъ подрысниковъ и стремительное бѣгство черезъ капитанскій мостикъ.

На всякій случай онъ рѣшилъ показываться въ помѣщеніи второго класса по-возможности рѣже.